

ЭЛИС КОВА

18+

ДУЭЛЬ
С
ЛОРДОМ ВАМПИРОВ

Элис Кова
Узы магии. Дуэль
с лордом вампиров
Серия «Young Adult. Магические
бестселлеры Элис Ковы»
Серия «Узы магии», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71579662

Элис Кова. Узы магии. Дуэль с лордом вампиров: Эксмо; Москва; 2025

ISBN 978-5-04-218150-4

Аннотация

Флориана – дева-кузнец в Охотничьей деревне. Благодаря ей охотники получают лучшее оружие для защиты жителей от вампиров. Девушка с детства верно служит своему народу. В ночь кровавой луны ее брат уходит на болота, чтобы убить повелителя вампиров Рувана. И Флориана решает, что брат погиб.

Желая любой ценой отомстить, она сама вступает в бой с Руваном. Однако повелителю вампиров Флориана нужна живой. Похитив девушку, Руван приводит ее в замок вампиров и заставляет принести кровную клятву верности. Теперь она душой и телом привязана к своему злейшему врагу. Но что, если Руван вовсе не такой монстр, каким его все считают?

Оказывается, вампиры не безмозглые чудовища, а гордый народ, подавленный древним проклятием. Руван верит, что девушка сможет им помочь. Границы между правдой и ложью, ненавистью и страстью стираются. Сможет ли теперь Флориана воткнуть кинжал в грудь того, кто запал ей глубоко в душу?

Содержание

Один	6
Два	20
Три	33
Четыре	50
Пять	59
Шесть	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Элис Кова

Дуэль с лордом вампиров
(Узы магии)

Elise Kova

A Duel with the Vampire Lord

Copyright © 2022 by Elise Kova. All rights reserved.

Cover Illustration © 2022 by Elise Kova.

Used with permission. All rights reserved.

Cover Illustration designed by Marcela Medeiros

© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

*Для всех любителей книг с кинжалами и
коронами на книжных полках*

Один

– Выходи за меня замуж, и у нас родятся крепкие дети, – почти неразборчиво бормочет Уолт. Или Уолдор? Не помню его имени.

Съездившись, я отталкиваю парня и сбрасываю с плеч его руку. Со смехом он отступает назад и едва не врезается в группу женщин, которые танцуют посреди улицы и воют на луну. На них лишь шелковые ночные сорочки, а кожа в серебристом лунном свете и отсветах пламени, падающих из открытых дверей кузницы, отликает красным и оранжевым.

Они вольны кружиться и танцевать, петь и плакать. Эти женщины так же свободны, как подолы сорочек, которые едва касаются их бедер. Каково было бы стать одной из них? И что я тогда бы сделала? Кто знает. Но пути вокруг меня столь же крепки, как застёжки на прочном кожаном фартуке. И держат в строгости, не позволяя расслабляться.

Как-уж-его-там снова тянется ко мне.

– Хватит. – Я шлепаю его по руке.

Приставания могут ему дорого обойтись. Хорошо, если просто отстегают хлыстом. Парень явно перебрал и не сообщает, что творит. А заявлениям о том, будто он не понял, кто я, все равно никто не поверит. В этой деревушке меня все знают. Достаточно взглянуть на грубые, перепачканные сажей ладони, закатанные рукава и руки в шрамах. Мой долг

считается более священным, чем у большинства охотников, поскольку в грядущие годы именно я буду снабжать их оружием и доспехами. Ведь лишь мне ведомы секреты кузнечного ремесла.

Я хранитель стали и серебра.

И этому парню, как и всем в Охотничьей деревне, известно, что прикасаться ко мне может лишь тот, кого главный охотник выберет для меня в мужа. Без исключений.

Даже в эту ночь, которая вполне может стать для всех нас последней.

– Какие-то проблемы?

Вечно оберегающий меня брат-близнец Дрю еще совсем недавно разговаривал в углу кузницы с молодой женщиной. Но, вероятно, заметил, что я ушла в сарай на заднем дворе и не вернулась, так что отправился следом.

– Вовсе нет. Здесь просто пьяница.

Я крепче сжимаю ведро с углем. Тот, кто доставляет его, живет неподалеку от болот и в числе немногих имеет право пересекать полосу просоленной земли и заходить в земли вампов. Как раз сегодня вечером, перед началом шумного веселья, он привез новую партию и наверняка завтра останется у кого-нибудь из деревенских. В полнолуния для него это обычное дело, а уж в ночь кровавой луны он и подавно не отправится в путь. Все мы здесь заботимся друг о друге, особенно во время нападения вампов.

Об этих загадочных, кровожадных созданиях всем из-

вестны три непреложные истины.

Во-первых, для поддержания жизни и использования темной магии им нужна человеческая кровь. Поэтому война между людьми и вампами продолжается с незапамятных времен. Не будь в Охотничьей деревне крепости и толстых стен, они, одержимые жаждой крови и стремлением убивать, уже опустошили бы поселение.

Во-вторых, вампам по-настоящему опасно одно лишь серебро. Все остальное только их замедляет. Или позволяет их жертвам покончить с собой без мучений. Однако стоит вонзить в плоть вампа посеребренное лезвие, он тут же умрет. В серебре наша единственная защита. Именно поэтому в Охотничьей деревне почитают тех, кто умеет его ковать.

И, в-третьих, у вампов единый разум. Твари, что месяц за месяцем не дают нам покоя – всего лишь живые големы, подчиняющиеся воле своего повелителя. И если его убить, все их племя последует за ним. Вот только он находится под защитой Грани. Лишь раз в пятьсот лет, когда на небе восходит кровавая луна, Грань слабеет, и тогда повелитель может лично возглавить армию своих темных рыцарей и повести их в атаку.

Завтра как раз такая ночь, и охотники с помощью моего оружия попытаются убить его и спасти человечество. Всего за одну ночь мир может измениться в лучшую или худшую сторону. Однако за пределами Охотничьей деревни об этом никто даже не догадывается.

– Я не пьяница, а благородный охотник! – возражает представавший ко мне парень.

– Ты едва на ногах стоишь, – парирую я.

– Перестань, Уоллис, – набрасывается на него Дрю. *«Ага, вот, значит, как его зовут»*. – Нельзя, чтобы тебя застали наедине с девой-кузнецом.

– Ну, мы не одни. – Покачнувшись, Уоллис икает. – Смотри, здесь все наши друзья!

Он бросается к группе танцующих женщин, и те с радостью принимают его в свою компанию, как будто Уоллис на самом деле все это время отплясывал с ними.

Миг спустя он уже обнимает брюнетку, скользит ладонями по затянутым в шелк изгибам ее бедер и поднимается к животу. Гладкая ткань сминается под его пальцами, собирается в складки, когда Уоллис слегка задирает на ней сорочку. Пусть этот парень – тренированный убийца, нельзя не отметить в его движениях некую грацию.

И я невольно задаюсь вопросом, что ощутила бы на месте той женщины. Начинает покалывать бедра, внутри поднимается жар. Нет, я не хочу Уоллиса. Просто интересно, каково это, когда к тебе прикасаются. Что значит быть желанной не только из-за положения в деревне и умения обращаться с молотом. Уоллис, словно вамп, кусает женщину за шею. Она со стоном запрокидывает голову. Я же, стремясь скрыть предательский румянец, отворачиваюсь и направляюсь в кузницу. Во всяком случае, внутри всегда можно сослаться, что

покраснела я от жары.

В последний раз хмуро посмотрев на Уоллиса, Дрю меня догоняет.

– Он ведь не сделал ничего предосудительного?

– Нет конечно. Просто напился до потери рассудка. – Ни к чему создавать Уоллису неприятности. У охотников и так тяжелая жизнь. А сегодня ночь веселья, терпимости и безрассудства. К тому же парень всего лишь обнял меня за плечи. – Вряд ли он вообще понял, кто я.

– Тогда, похоже, Уоллис и впрямь изрядно перебрал.

– Не сомневаюсь. Ты же видел его с другими женщинами.

Я бросаю взгляд через плечо. Уоллис, пошатываясь, уходит с одной из танцовщиц.

– Спасибо, что проявила к нему снисходительность, Флор. – Вообще-то я Флориана, и сокращенным именем меня называют только мама и брат. – Просто такая уж сегодня ночь.

– Неужели всем охотникам обязательно напиваться до бесчувствия? Ведь завтра, во время охоты, нужна ясная голова. – Я вопросительно поднимаю брови. Дрю копирует мое выражение.

Мы с ним почти одного роста и одинаково сложены, оба черноволосые и унаследовали черные глаза от мамы. Смотреть на него – все равно что смотреться в зеркало, где отражается моя более мужественная версия.

– Времени до заката хватит с избытком, чтобы подлечить

головы и желудки. У нас ведь есть охотничий эликсир. Он лучше всех справляется с похмельем.

– Завтра будет не обычная охота.

– Нам ли об этом не знать. – В его голосе проскальзывают жесткие нотки.

Не желая больше спорить, я пожимаю плечами, и Дрю считает тему закрытой.

Мы вместе входим в кузницу – одно из самых больших зданий в Охотничьей деревне. Она немного выделяется на фоне прочих жмущихся друг к другу местных каменных домов, походящих на зубы во рту вампа. Все они крыты соломой, а кузница, как и крепость, может похвастать черепичной крышей. Мы ныряем в тень деревянных навесов над фасадом и оказываемся внутри.

В центре помещения царит кузнечный горн. От него в разные стороны тянутся деревянные столы, обычно заваленные лезвиями и инструментами. Однако сегодня на них стоят еда и кувшины с напитками.

Кузница – центр жизни Охотничьей деревни, ведь всем в тот или иной момент нужны услуги кузнеца. И сегодняшней вечер не исключение.

Пивовар принес бочонок свежего эля и здесь же открыл. Вокруг толпятся фермеры, наслаждаясь плодами своего труда. Модистка рассказывает детям сказки, хотя тем уже давно пора в кровать. И сквозь весь этот шум доносится мерный стук – как будто бьется сердце Охотничьей деревни. Это ма-

ма, старший деревенский кузнец, щит всего поселения, ритмично поднимает и опускает свой молот. Из тугого пучка волос на затылке выбиваются темные пряди и прилипают к потным щекам. Несмотря на поздний час, мы еще работаем. Перед восходом кровавой луны дел невпроворот.

– Кстати, с кем ты разговаривал? – интересуюсь, пока мы с Дрю пробираемся сквозь толпу сплетничающих стариков.

– Когда?

– Совсем недавно. Вон там. – Я киваю на угол. Кем бы ни была та женщина, она не стала ждать возвращения брата.

– Сегодня я со многими общался. Говори точнее. – Он явно понимает, о ком я, и намеренно прикидывается глупым.

– Ладно, храни свои секреты. Но мама уж точно заметила. И от ее вопросов ты так легко не сбежишь.

– Обычная женщина. Ничего серьезного. – Дрю потирает затылок.

– Если твое «ничего серьезного» будет касаться каждой женщины в деревне, мама задаст тебе трепку.

Поставив ведро у горна, я зачерпываю совком немного угля и, чтобы унять разочарование, начинаю раздувать мехи. Дрю никто не запрещал танцы, чувства и прикосновения. Мне же... Я начинаю еще активнее работать мехами.

Бросив на меня оценивающий взгляд, мама возвращается к разговору с кожевником. Вид у нее суровый. Похоже, обсуждают что-то важное. Может, проблемы с последней партией кожаной одежды, которую мы передали охотникам для

завтрашней ночи? Я тут же вспоминаю все пряжки, застежки, оплечья и крючки, которые ковала. Неужели я, сама того не понимая, допустила какой-то дефект?

– Еще никто не жаловался, – пожимает плечами Дрю. – В конце концов и я остепенюсь. Когда захочу.

– Наверное, здорово самому решать, с кем быть или кого взять в жены, – бормочу себе под нос.

На глазах у жителей Охотничьей деревни мне остается лишь с достоинством принимать отведенную роль, однако рядом с Дрю нет необходимости притворяться.

– Прости, Флор. Зря я так сказал.

Покачав головой, я со вздохом передергиваю плечами в попытке снять с них напряжение.

– Но ведь это правда.

– Возможно, скоро все изменится.

– О чем ты? – Сердце пропускает удар.

– Расскажу попозже.

– Но...

– В обычное время.

– Сегодня? Смотри, какой здесь дурдом, – шепчу я. Пове- рить не могу, что в присутствии стольких людей он упоминает о нашей полночной тренировке. – У нас не будет вре- мени, чтобы...

Еще не успев договорить, я вдруг понимаю, почему Дрю решил, что нам удастся ненадолго улизнуть.

В кузнице становится тихо. Замолкает даже мамин молот.

Она кладет его на наковальню и сует железо, с которым работала, в горн, на раскаленные добела угли. Все взгляды приковывает силуэт в дверном проеме, очерченный неестественным розоватым лунным светом.

Главный охотник Давос, без которого нашему миру пришел бы конец. Сгорбленный, внушающий страх мужчина в прекрасно сшитых бархатных одеждах, материал для которых специально для него привозят издалека. Он опирается на трость, украшенную серебряной головой ворона. Настоящий крупный ворон сидит у него на плече. При виде этой птицы по спине пробегает холодок.

Деревенские жители прозвали ее черными глазами главного охотника. У ворона есть имя – такое же неприятное, как и его взгляд. В самом его звучании слышатся пронзительные крики и скрежет ногтей по камню. Дрю как-то его называл, но я почти сразу забыла.

Легенды гласят, что за тысячи лет, прошедшие с основания крепости, ни один главный охотник не обходился без ворона. Когда занимающий пост человек умирает, ворон улетает в небеса, а после, с назначением нового, возвращается и садится ему на плечо. Кто-то даже утверждает, что с тех пор, как в основание кузницы заложили первые камни, и по сей день это всегда была одна и та же птица. По словам Дрю, ворона очень почитают в крепости, и обычно именно он выбирает из достойных кандидатов следующего главного охотника. Среди жителей есть даже те, кто считает птицу древним

божеством, принявшим животный облик, чтобы защищать Охотничью деревню от вампов.

Если это правда, то старый бог плохо справляется со своей задачей. Пусть сам повелитель вампов не способен миновать Грань, но каждое полнолуние он насылает на нас чудовищ, чтобы напомнить о своем существовании. Да и приход кровавой луны этот божок, если верить слухам, никак не смог предотвратить.

– Приветствую вас, жители Охотничьей деревни, – начинает Давос в своей обычной усталой манере.

– Направляй и охраняй нас, – раздается в ответ хор голосов.

– Похоже, вам понравились сегодняшние гуляния, – улыбается Давос. Он пытается изображать заботливого отца, но мне в его словах чудится нечто неприятное, а блеск в глазах заставляет нервничать. И Дрю улавливает мое беспокойство.

«Давос крещен в крови наших врагов, – обычно объясняет брат. – За свою жизнь он видел больше вампов, чем любой из нас. И похоронил множество сородичей».

Здесь, в Охотничьей деревне, все насмотрелись на кровопролитие. В этом богами позабытом месте смерть – обычный гость.

– Однако ночь не бесконечна, – продолжает Давос. – И я должен созвать охотников к себе.

От толпы словно в трансе медленно отделяются мужчины и женщины. Охотники, из-за своей кровавой работы покры-

тые шрамами, которые оставили след не только на коже, но и в душе. Мне хочется схватить Дрю за руку и спросить, сможет ли он прийти позже. Завтра вечером брат отправится на охоту, и сама мысль о том, что нам не удастся еще хоть раз пообщаться наедине, кажется невыносимой. Хотя я пока даже не знаю, о чем.

Что обычно говорят человеку, который отправляется на верную смерть? Что я могу сказать брату такого, о чем он еще не знает? Какие подобрать слова, чтобы выразить все свои чувства? Дрю всегда был умным и тактичным. От меня же, если в руках нет молота, мало толку.

Однако я позволяю ему уйти.

По-другому просто нельзя.

У него своя роль, у меня – своя. Их навязали нам еще до рождения, опираясь исключительно на фамилию и пол. Можно сколько угодно надеяться, мечтать или завидовать другим. Никому из нас не дано свернуть с предначертанного пути.

– У вас есть еще поручения для кузницы? – спрашивает мама.

– Нет. Для защиты Охотничьей деревни вы уже сделали более чем достаточно. Без вашего оружия, стеновых укреплений и помощи с кожаными доспехами охотникам в ночь кровавой луны пришлось бы отправляться на охоту в плачевном состоянии, – говорит Давос, пока вокруг него собираются охотники.

– Для нашей семьи большая честь видеть, как готовятся к каждой охоте охотники и вся деревня. А к этой особенно.

Мама, грустно улыбаясь, переводит взгляд на Дрю. Она часто так на него смотрит – со смесью гордости и беспокойства, страха и радости. Брату с рождения было предназначено стать охотником, а мне – кузнецом, однако никто из нас не ожидал, что Дрю и в самом деле вступит на этот путь. Такая жизнь не сулит долголетия. Но ему пришлось покинуть дом и поселиться в крепости. И мы понимаем почему.

Так уж повелось в семье Рунил: старшая дочь работает в кузнице, старший сын отправляется в крепость. Здесь, в Охотничьей деревне, у любой семьи есть свои традиции и своя роль. Когда каждый на своем месте, мы все чувствуем себя в безопасности. Но ради этого всем нам приходится давать обещания и приносить жертвы. Так что Дрю после смерти отца просто занял свое положение в обществе.

И с того момента мы с мамой каждый месяц опасались прихода Давоса с сообщением о том, что вампы забрали еще одного члена нашей семьи. Однако Дрю чудесным образом все время возвращался. Может, и этот месяц, даже несмотря на кровавую луну, не станет исключением. Глупая надежда, знаю. Но в Охотничьей деревне других не бывает.

– Кстати, о семейной чести... – Давос переводит на меня взгляд. При виде блеска в его глазах к горлу подкатывает желчь. – После завтрашней ночной охоты поводов для праздника будет предостаточно. Пора задуматься над будущим на-

шей девы-кузнеца, чтобы кузница продолжала снабжать оружием и грядущие поколения.

– Я подчиняюсь воле главного охотника. – Опустив подбородок, я сохраняю на лице непроницаемое выражение, словно на масках, в которых охотники отправляются на Приграничные болота.

– Тогда на следующей неделе зазвонят колокола, возвещающая о скорой свадьбе. – Чтобы подчеркнуть свои слова, Давос постукивает тростью об пол.

Дрю старается не хмуриться. Эту тему он ненавидит даже больше, чем я.

Могу себе представить, что брат скажет потом.

«Подумать только, Давос говорил о тебе так, словно тебя здесь вообще нет. А уж это замужество! Как будто ты какая-то ценная кобыла».

Вот только моя судьба ни для кого не секрет. Девы-кузницы всегда выходят замуж еще до двадцати лет. Такова традиция, порожденный необходимостью порядок вещей, поскольку в следующее полнолуние жизнь любого из нас может оборваться. Скорее всего, я забеременею еще до конца года, и от этой мысли, несмотря на жар кузнечного горна, меня пробирает озноб.

В толпе годящихся в мужа охотников-мужчин раздаются возбужденные шепотки. Все дружно косятся на меня. Я же инстинктивно сжимаю в руке кузнечный молот.

Может, я и девушка, но ни капли не похожа на нежный

цветок. Напротив, во мне сплелись прохлада серебра и крепость железа. И даже если придется принять свою судьбу, я не склонюсь ни перед одним мужчиной.

Два

До побелевших костяшек пальцев я сжимаю рукоять молота, но никто ничего не замечает. Вокруг все радостно кричат. В Охотничьей деревне свадьба девы-кузнеца – грандиозное событие. Обычно у нас очень мало поводов для праздников, поэтому если выпадает случай, деревенские жители веселятся от души.

Я ничем не выдаю своего страха и беспокойства. Не стоит лишать их радости. По крайней мере, из-за ребяческого желания самостоятельно выбрать мужа, основываясь на любви, страсти, привлекательности или прочих причинах тяготения людей друг к другу. У меня есть долг и обязательства, которые гораздо важнее всех моих желаний.

– В ночь, – разворачиваясь, командует Давос.

– Удачной охоты! – дружно желаем мы, и главный охотник уводит своих верных воинов.

– Кузнечные мехи, Флориана, – мягко, но непреклонно напоминает мама. – И раз уж ты взяла молот, помоги выковать несколько серпов. В крепости их вечно не хватает. – Взглянув на мое лицо, она немного смягчается и дарит мне грустную улыбку. Маме слишком хорошо известно мое будущее. Ее саму точно так же выдали замуж.

И со временем она влюбилась в отца.

Я вспоминаю их вместе в кузнице с блестящими от пота

щеками и затаенными улыбками, предназначенными только друг другу. Легкий и проворный отец. Сильная, выносливая мама. Он стал ее щитом, она – его мечом. Две части единого существа.

Потом перед глазами встает другая картина – как отец без серпа, неестественно спотыкаясь, бредет к кузнице. Тогда мы поняли, что его больше нет, осталась лишь пустая оболочка.

Я встряхиваю головой, отгоняя мысли, и принимаюсь за работу.

Вскоре уходит последний гуляка, и мы с мамой, как всегда в конце долгого дня, остаемся одни. Угли меняют цвет на оранжево-красный, тени удлиняются.

– На сегодня хватит.

Постучав по рогу наковальни, мама убирает молоток на место, расправляет плечи и разминает запястья. Сколь бы долго мы ни занимались подобной работой, мышцы все равно болят. Каждый удар отдается в локтях и плечах, колени ноют, да и все тело часто просит пощады. Кузнечное дело требует большого напряжения.

– Я приберусь.

– Спасибо. – Мама кладет ладонь мне на плечо. – Насчет слов Давоса о твоём браке...

– Я и внимания особого не обратила.

Она улыбается, прекрасно понимая, что я лгу.

– Я не знала, что он поднимет эту тему. Иначе предупре-

дила бы тебя заранее.

– Не сомневаюсь.

С тех пор как умер отец, а Дрю переселился в крепость, мы с ней остались вдвоем. Каждый день работаем вместе, ужинаем по вечерам. Мама – единственная, кто по-настоящему понимает мое положение.

– Если завтра охотники не прикончат повелителя вампов, мы еще поговорим о твоей свадьбе. Я не отдам тебя за первого встречного и всеми силами постараюсь отыскать достойную партию.

– Спасибо, – искренне говорю я.

– Не за что. – Наклонившись, она целует меня в лоб, хотя я вся перепачкана металлической пылью и сажей. – А теперь отдыхай. Завтра вечером нам придется сидеть взаперти, на рассвете начнем приготовления. Пока же наслаждайся одиночеством.

Мама меня слишком хорошо знает.

Она уходит. Я провожу рукой по гладкой поверхности наковальни, цепляюсь ногтями за бороздки на размягчившемся металле горна. Он еще не остыл после работы.

«Дом».

Каждый месяц сюда являются вампы и пытаются лишить нас всего, что дорого. Впрочем, если верить старым историям, эти постоянные нападения – всего лишь разминка. Настоящая битва состоится завтра. В последнее время Дрю все чаще советовал мне не переживать и не думать о возможной

смерти. Но как? Ведь старые истории не лгали. С каждой ночью луна становится все более зловещей, а ее бледно-розовый оттенок приобретает насыщенный темный цвет. Нельзя же просто закрывать на это глаза.

Я приступаю к уборке: сметаю окалину, потом сгребаю угли и отодвигаю их назад. Мысль о том, что мы не разожем их через несколько часов, на рассвете, кажется странной.

Затем я отправляюсь в хранилище, встроенное в толстые стены в задней части кузницы, где проверяю и пересчитываю серебро, заодно убеждаясь, что все слитки уложены именно так, как нравится маме. И запираю дверь с приплавленными к ней вращающимися дисками. Это необычное приспособление, цифровой замок, придумала моя прапрабабушка и скрывала принцип его работы до самой смерти. Каждая женщина-кузнец оставила после себя след, изготовив что-то очень важное. Однако у меня все еще впереди.

Возможно, я создам свой уникальный замок на замену этому. Ведь никто из ныне живущих не знает, как в случае чего починить тот, что уже вмонтирован в дверь. Лишь члены нашей семьи понимают, как он работает, и умеют его открывать.

Мама всегда говорит, что страх и отчаяние порождают неверные решения. И нужно беречь серебро, поскольку в нем наша единственная защита от вампов. Которая заметно скудеет с каждым днем.

В Охотничьей деревне существует непреложное правило:

любому, кто войдет внутрь через крепостные ворота, уже нет пути назад. Ему придется остаться здесь навсегда и стать частью нашего сообщества. Все это во имя защиты от вампов. Раз никто не сможет войти и выйти, то и вампы тоже не сумеют проникнуть за стены. Тем не менее нам приходится поддерживать связь с внешним миром, однако единственный существующий проход тщательно охраняют.

К сожалению, в деревне нет месторождений железа и серебра, поэтому их доставляют из других мест. Но лишь главный охотник имеет право выходить за ворота и общаться с торговцами, остальные же охотники лишь переговариваются с ними через стену.

По словам Дрю, корабли «Торговой компании Эпплгейта», привозившие с далекого севера редкую серебряную руду, уже почти год не заходят в соседний портовый городок. Забеспокоившись, что они могут вообще не вернуться, мы с мамой много раз за ужином обсуждали, как быть, если серебряные жилы в тех далеких шахтах иссякнут. Она принялась изучать старые семейные записи в поисках способа эффективно переплавить сломанное оружие и выковать серпы в форме полумесяца, которыми пользуются охотники, чтобы серебро не потеряло при этом своей силы.

Открывается дверь, и блеск луны смешивается со светом лампы. Внутри проскальзывает закутанная в плащ фигура. Ни к чему поднимать тревогу, поскольку я с первого взгляда узнаю мужчину.

– Все выглядит как нужно, – оценивает Дрю.

– Рада, что ты одобрил. – Чуть подпрыгнув, я усаживаюсь на один из столов. – Не думала, что ты сегодня придешь.

– Выбора не было. – Он устраивается рядом, и несколько минут мы просто уютно молчим. – Слушай, у нас мало времени. Так вот, завтра...

– Перестань. Мне не нравится твой тон.

– Завтра тебе придется защищать маму, – несмотря на возражения, продолжает брат.

– Знаю.

– Они все еще у тебя? – настойчиво спрашивает он. О, Дрю умеет быть непреклонным.

– Само собой. Один здесь. – Я киваю в сторону кузнечных инструментов. – Второй в доме. Все, как ты сказал. – Я неловко ерзаю. – Но, может, лучше отдать их в крепость? Охотникам оружие будет не лишним.

– Благодаря вам с мамой у нас его предостаточно.

Соскочив со стола, Дрю направляется к стеллажам с инструментами. У одного боковая стойка неплотно прилегает к стене, и за ней спрятан серп. Его Дрю велел мне выковать втайне. А потом настоял, чтобы я научилась им пользоваться.

– В ближайшие часы держи его при себе. – Брат протягивает мне рукоять.

– Мама увидит.

– И не сможет ничего с этим поделать.

– Ну да, она, конечно же, обрадуется, что мы нарушаем закон. – Закатив глаза, я обхватываю пальцами прохладный металл и ощущаю знакомую тяжесть серпа в ладони.

Интересно, хоть кто-нибудь из кузнецов чувствовал себя так же комфортно с оружием в руках? Сомневаюсь. Ведь нас обычно защищают и всеми силами удерживают подальше от поля боя. Мы слишком драгоценны, поскольку снабжаем оружием всех прочих. У каждого своя роль и достаточно ресурсов для выполнения обязанностей. Ни больше ни меньше.

– Если что случится, она еще спасибо скажет.

– Скорее уж рассердится на нас обоих, как только увидит.

Мысленно я почти слышу ее слова: «Охотники забрали у меня обоих детей».

Лезвие серпа поблескивает в свете лампы. Готовясь к завтрашнему дню, я точила его несколько недель. Как будто, придав ему невероятную остроту, сумела бы избавиться от тревог.

– И еще кое-что, – нерешительно бормочет Дрю. Он выглядит напряженным и отчего-то смущается.

– Что?

Порывшись в кармане, брат достает маленький обсидиановый флакон.

– Вот.

– Что это? – Положив серп на стол рядом с собой, кручу странный сосуд в руках.

– Именно из-за него я задержался и... вообще пришел. – Дрю медленно втягивает воздух, явно собираясь с духом произнести то, что мне определенно не понравится. – Если вампы доберутся до деревни, возникнут большие проблемы. И оставшимся здесь охотникам понадобится любая помощь. Я не смогу отправиться завтра на болота, зная, что вам с мамой может грозить опасность.

– В Охотничьей деревне все в опасности, – горько вздыхаю я. Наша жизнь полна сражений; мы отгоняем вампов и боремся с собственными страхами.

– Поэтому ты тренировалась.

– Но я не сумею одолеть вампа.

– Ты хорошо владеешь оружием. А с этим тебя не смогут одолеть. – Дрю кивает на флакон у меня в руке.

И я начинаю догадываться, что он принес. По телу пробегает холодок, а кожа покрывается мурашками.

– Нет. – Я протягиваю ему флакон, но брат отступает на шаг. – Нет... нет! – Я спрыгиваю со стола; он снова пятится. – Ты не можешь...

– Могу.

– Если кто-нибудь узнает, что ты взял его из крепости и отдал мне, тебя повесят.

– Вы с мамой должны спастись, чтобы мне было к кому вернуться. Иначе мне незачем жить, – жестко заявляет Дрю.

– Охотничий эликсир, – шепчу я, уставясь на флакон в своей ладони. Такое ощущение, будто даже сами эти слова

запретны. Держать его у себя в высшей степени незаконно.

– Напиток сильный. – Брат переминается с ноги на ногу. На его лице мелькает неуверенность, но исчезает, прежде чем я успеваю уцепиться за нее и вернуть флакон. – Давос сказал, что это редкий эликсир, более крепкий, специально для завтрашнего дня. Его добыли из какого-то особого источника, находящегося глубоко под крепостью. С помощью этого напитка у тебя хватит сил защитить маму и кузницу.

– Но если кто-нибудь увидит флакон или поймет, что я выпила эликсир, меня тоже повесят. – Серdito взглянув на него, я качаю головой. Брат играет нашими жизнями.

– Кузнеца никто и никогда не повесит. К тому же как они узнают? Выпьешь, только если на тебя упадет безжизненный взор вампа. В противном случае просто спрячь флакон. Утром после кровавой луны я заберу его обратно.

Как будто все это очень легко.

– А как же «безумие охотника»? – уточняю я.

– С одного глотка эликсира ты не сойдешь с ума. Эффект возникает со временем. – Взгляд Дрю становится отстраненным. Он видел, как его братья и сестры по оружию, поддавшись безумию, которое вызывал эликсир охотника, всеми силами рвались в битву и жаждали крови.

За прошедшие годы Дрю закалялся у меня на глазах, превращаясь в мужчину, которого порой трудно узнать. Однако я не хотела, чтобы он отдалялся. Отчасти именно поэтому согласилась, чтобы брат меня тренировал. Дрю считал,

что если мы станем достаточно сильными, то сможем сбежать или даже изменить свою судьбу. Заманчивые перспективы, но я в них не верила. И приходила на ночные тренировки просто потому, что скучала по брату.

– Вообще-то, – продолжает он, – мне кажется, что это безумие никак не связано с эликсиром. Скорее уж с тем, что нам приходится видеть и делать на Приграничных болотах.

Я крепче сжимаю флакон, так, что белеют костяшки пальцев. Все наши тренировочные бои вдруг кажутся совсем глупыми. Я ведь кузнец, не охотник. Моя задача – ковать оружие, а не использовать его. Все это зашло слишком далеко.

– Пожалуйста, не уходи. Защищай нас завтра здесь, в деревне. Чтобы мне не пришлось это пить.

– Нет, я пойду. И тогда тебе, возможно, больше никогда не придется бояться вампов. – Мой глупый братец делает шаг вперед и кладет руки мне на плечи. – Я выступлю в авангарде, чтобы помешать вампам сюда добраться.

В авангарде. Дрю будет сражаться в первых рядах. Сердце резко ускоряет бег.

– Не надо, Дрю, – поспешно возражаю я. – Давос тебя любит... – Брат лишь тихо фыркает. – Ты брат девы-кузнеца. Если упомянуть о моей защите, он позволит тебе остаться и оборонять деревню. Ты вовсе не обязан отправляться вглубь болот.

– Обязан. – Понизив голос до шепота, Дрю быстро обводит взглядом комнату, хотя мы здесь одни. – Давос не позво-

лит мне остаться в деревне. С тех пор как я присоединился к охотникам, он готовил меня к этой ночи. И поручил особую миссию, Флор. Я смогу с этим покончить.

– Покончить?

– Да, раз и навсегда. – Дрю крепко меня обнимает. Как обычно отец перед полнолунием. Но на этот раз... я чувствую, что больше никогда не увижу брата. Он словно прощается.

– Пожалуйста, не уходи! – умоляю я. В горле пересохло, глаза горят от непролитых слез. – Мне нет дела до особых миссий. И до старых легенд тоже. Нападения вампов никогда не кончатся. Они всегда будут охотиться за нами. Так что оставайся здесь и живи рядом со мной. – Сейчас все страхи и неуверенность становятся в разы сильнее. И я, поддавшись дурацкому отчаянию, прошу: – Не позволяй выдать меня замуж за охотника, который приглянется Давосу. Если тебя не будет рядом, как я узнаю, что он достойный человек?

Дрю отпускает меня.

– Я никогда не позволю тебе страдать.

– Но...

– Завтра, когда с восходом кровавой луны Грань истончится, – тихо произносит он, – легионы возглавит сам повелитель вампов. Я буду его ждать, чтобы убить. Покончить с главным разумом, направляющим остальных, и положить конец многовековой войне.

Сердце пропускает удар, горло перехватывает, и я не в си-

лах выдавить ни слова. Конечно же, я знала, что сюда явится сам повелитель вампов, но и представить не могла, что мой брат планирует его атаковать.

– Ты не сумеешь, – шепчу я.

– Ни капли не веришь в своего старшего брата? – грустно улыбается Дрю.

– Ты старше всего на несколько минут, – тут же инстинктивно парирую, и он усмехается. – Пожалуйста, мне...

– Решение уже принято. Я пойду на это ради всей Охотничьей деревни. И ради тебя. Если повелитель вампов умрет, тебе больше не придется работать в кузнице и насильно выходить замуж. Наша деревня станет такой же, как все прочие. И мы с тобой наконец-то сможем поехать к морю.

Море – символ всеобъемлющей мечты о мире, который лежит за крепостными стенами.

– У меня есть все, что нужно. обойдусь без моря. – Я лгу, конечно. Хотя за прошедшие годы я уже столько раз повторяла себе эти слова, что с возрастом все больше стала в них верить. Время способно покончить с любыми мечтами. – Главное, чтобы горн не остывал, а вы с мамой находились в безопасности.

– В детстве ты хотела поехать к морю, – напоминает брат.

– В семь лет. Тогда все казалось проще. – Я качаю головой, удивляясь, насколько мы похожи и в то же время как сильно отличаемся. Дрю всегда боролся, чтобы достичь большего – спасти Охотничью деревню и воплотить мечты, от которых

я уже давно отказалась.

– Ты способна на многое, Флориана, – мягко замечает Дрю.

– Я хочу лишь, чтобы все члены моей семьи остались в живых.

– Тогда пообещай мне, что защитишь маму, чтобы я не тревожился о вас, а сосредоточился на своей задаче: сберечь свою жизнь и убить повелителя вампов.

«Ну, если взглянуть с этой стороны...»

– Хорошо. Но ты должен вернуться.

– Обязательно.

– Поклянись! Дай клятву, что как только минует ночь кровавой луны и лучи солнца коснутся деревенской колокольни, ты отправишься домой.

– Клянусь, что вернусь.

Я крепко обнимаю брата. Изо всех сил. И сдерживаюсь, чтобы не дать воли эмоциям. Он ведь поклялся. Поэтому вернется.

И все-таки сердце знает правду. Возможно, потому что мы близнецы. Из-за того, что он охотник, как и отец. Или же, родившись в Охотничьей деревне, я просто чувствую, что смерть уже витает в воздухе.

Несмотря на все клятвы, я понимаю: он лжет.

Три

Сегодня впервые на моей памяти в горне не горит огонь.

Обычно по утрам мама встает первой, спускается вниз и греет чайник, чтобы заварить чай, а после отправляется в кузницу и ворошит вчерашние угли. Они разгораются в сильное пламя, яростно бросая на все вокруг оранжевые отблески – как будто сам горн негодует, что ему приходится просыпаться раньше, чем небу. К тому времени, как спускаюсь я, жар ощущается даже возле кухонного окна, а мама уже раздувает мехи. И еще до восхода солнца мы принимаемся работать с серебром и сталью, готовя особый сплав, создать который под силу только нам.

Однако сегодня в доме тихо.

Да и во всей Охотничьей деревне царит зловещая, оглушающая тишина.

Я встаю раньше мамы. В целом не такое уж неслыханное дело, но в свете необычности грядущего дня – просто лишнее напоминание о том, что с привычной жизнью пока покончено. Я смотрю в окно на тихие улицы. Из трубы пекарни не идет дым. На поля, отделяющие деревню от Приграничных болот, не спешат рабочие. Люди выходят из домов только для того, чтобы повесить на карнизы изящные серебряные колокольчики, на ковку которых у нас ушло несколько месяцев.

Мы с мамой без лишних разговоров присоединяемся к соседям.

Благодаря охотникам нам известно, что нужно делать, как и в любое другое полнолуние. Впрочем, подготовиться к встрече с вампами практически невозможно, тем более если нашествие возглавит сам повелитель, их коллективный разум. В старых историях почти не упоминается о том, чего ждать от их правителя. Одни легенды рисуют его крылатым монстром, другие утверждают, будто он способен одной лишь силой мысли высасывать кровь из находящихся поблизости живых существ. Я в это не слишком верю. Однако трудно спорить, что все трудности и потери Охотничьей деревни связаны с главой вампов.

Слова Дрю с каждым часом давят на меня все больше, а его обманные обещания ранят сильнее, чем выкованные мной серпы. Даже острое оружие, спрятанное у нас в доме, вряд ли способно причинить больше боли. Я бросаю взгляд на крепость, словно бы сквозь толстые каменные стены смогу хоть на миг различить силуэт брата. Уже не в первый раз я задаюсь вопросом, что происходит там, внутри.

Но, конечно же, никто не станет посвящать меня в дела охотников. Я не давала соответствующих клятв, не мне сегодня вечером предстоит надеть маску. Я всего лишь кузнец, и мое место здесь, а брату суждено отправиться на Приграничные болота. И, несмотря на все попытки, нам не удастся изменить свои роли.

Тишину разбивает звон колокола.

Деревенская колокольня возвышается в центре главной площади. Говорят, ее построили тысячи лет назад, одновременно с крепостью и стенами, окружающими всю территорию Охотничьей деревни. Звонарем служит один из охотников. Хотя я всегда считала это бессмысленным занятием. Все жители прекрасно знают, когда наступает полнолуние, и никому не нужно, чтобы звон колокола в сумерках напоминал, что не стоит ночью выходить из дома. Этот звук с каждым разом нагнетает все больше страха.

Закончив развешивать над дверью серебряные колокольчики, я бросаю взгляд на маму, которая глаз не сводит с трехэтажной колокольни. Выше нее только сама крепость, в которой четыре этажа. Сомневаюсь, что где-нибудь найдутся более высокие здания, построенные человеческими руками. Сегодня нам не до нежностей, и на лице мамы застывает лишенное эмоций выражение, твердое, как само железо. И на моем тоже.

– Посмотрим на процессию? – предлагаю я.

– Конечно. – Она трясет головой, словно пытаясь прогнать тревожные мысли. Но от них не избавиться. По крайней мере, сегодня вечером.

Вместе с остальными жителями мы шагаем к тянущейся через деревню главной дороге. Никогда еще не видела, чтобы толпившиеся в одном месте люди вели себя так тихо. Слышится лишь шорох подошв по булыжной мостовой, да из ка-

кого-то окна доносится неутрахающий плач.

Главная дорога ведет от самой крепости к центральной площади с колокольней, а после, минуя стену в задней части деревни, тянется через фермерские поля на север по полосе просоленной земли прямо к Приграничным болотам и теряется в неизвестных землях. Никто не знает, где она заканчивается, поскольку те, кто рискнул забраться так далеко в земли вампов, не выжили, чтобы об этом рассказать.

Дрю утверждал, будто по древней дороге можно дойти до самой крепости вампов, которая раскинулась на дальнем краю Приграничных болот. Во всяком случае, так говорилось в секретном древнем фолианте, который Давос разрешал читать только ему одному. Теперь-то, к сожалению, понятно, почему мой брат обладал особыми привилегиями. Главный охотник задался целью превратить его в идеально-го убийцу вампов и отправить сегодня ночью сразиться с их повелителем.

Мы с мамой останавливаемся на обочине дороги, и у меня сжимается все внутри. Мне совсем не хочется видеть брата в охотничьем наряде. Хотя бы не в это полнолуние. Стоит ему только появиться из ворот крепости, все происходящее станет слишком реальным. И хуже всего, что напоследок я увижу вовсе не знакомого мне Дрю, с которым разговаривала еще вчера вечером, а охотника в кожаных доспехах.

Но теперь уже слишком поздно поворачивать назад.

С глухим лязгом мощная решетка крепости начинает мед-

ленно подниматься, и перед взглядами собравшихся появляются лучшие представители гильдии охотников. Все в одинаковых доспехах из толстой кожи с тонкими серебряными вставками, созданными специально, чтобы не сковывать движения – ведь сами-то вампы двигаются с неестественной скоростью. Все в глухих масках с узкими прорезями для глаз и специальными воротниками, закрывающими шею.

Дрю как-то показал мне, что внутри спрятаны тонкие шипы, пропитанные смертельным ядом. Кончики игл закрыты кожаными клапанами, но стоит охотнику в нужном месте ударить по горлу, иглы выскочат, подарив ему чистую смерть, а яд проникнет в кровь, и вамп побрезгует ее пить. Рискованное устройство, но, несмотря на несколько несчастных случаев, польза от него высока. Конечно, как вариант, можно было бы обрядить охотников в серебро, однако ценного металла хватает только на оружие.

Прочная кожа, высокие воротники, маски и яд – все служит одной цели: помешать вампам творить редкую, очень темную магию, ведь, выпив кровь, они способны украсть лица людей, а потом под видом наших близких проникнуть в деревню.

Именно так случилось с отцом.

Я загоняю эту мысль в пустоту, оставшуюся в душе после его смерти и увеличившуюся, когда Дрю переселился в крепость. Не нужно думать о плохом. Лучше верить, что брат вернется домой. Иначе можно раньше времени впасть в от-

чаяние.

Во главе процессии выступает Давос. Справа от него, возглавляя авангард, шагает Дрю. Я узнаю его по доспехам. Конечно, внешне они такие же, как у всех прочих, однако я лично ковала все застёжки, скрепляющие части кожаного одеяния брата. Как и серебряное кольцо, ничем не отличимое от моего, которое он носит на правом мизинце.

Дрю поворачивает голову, и я даже сквозь маску ощущаю на себе его пристальный взгляд.

Мне безумно хочется броситься к нему, схватить за плечи, встряхнуть, накричать за то, что он задумал, и попробовать удержать. Я бесконечно восхищаюсь братом за все жертвы, что ему пришлось и еще предстоит принести, и за надежду, которую ему, несмотря на все трудности, как-то удастся сохранять.

«Не забывай о своем обещании», – произношу я одними губами.

Большим пальцем брат начинает крутить кольцо на мизинце. Вряд ли кто-то, кроме меня, замечает это движение. В нем нет особого смысла, просто некое напоминание о соединяющих нас узах.

Я опускаю подбородок. Брат отводит глаза и проходит мимо. Следом тянутся прочие охотники, и за их спинами я больше не вижу Дрю.

Вскоре вся процессия, включающая почти всех местных охотников, скрывается вдали, но мы с мамой, как и прочие

жители, еще долго топчемся на месте. Несколько оставшихся человек из крепости занимают посты возле окружающей деревянную стену.

По возвращении домой мама берет стоящее возле двери ведро с солью и аккуратно насыпает ее толстым слоем на каждый подоконник и порог. Затем мы запираемся изнутри. Нас ждет долгая ночь.

– Пойдем. – Мама жестом приглашает меня следовать за ней наверх, и я молча подчиняюсь. Внутри до сих пор царит смятение. Боюсь, если я попытаюсь заговорить, могу просто разрыдаться.

Мы с мамой входим в ее спальню. Открыв сундук в изножье кровати, она вытаскивает одеяла, под которыми мы спим зимой, и постельное белье – подарок модистки на их с отцом свадьбу. На дне сундука покоятся кожаные доспехи, точно такие же, в каких ушли охотники.

– Надевай.

– Откуда это? – Я перевожу взгляд с нее на доспехи и обратно. – Ведь жителям запрещено держать в домах принадлежности охотников.

У каждого в деревне свое место, и никому не позволено претендовать на чужое. Взамен нас обеспечивают всем необходимым. Достойное вознаграждение за равноценные жертвы – еще одна из догм, на которых строится наша жизнь.

– Вообще-то брат тоже не имел права между полнолуниями обучать тебя владению оружием.

Под взглядом темных глаз, которые напоминают угли в кузнице и сочетаются по цвету с ее волосами, я застываю.

– Ты знала.

– С самой первой ночи, – раздраженно хмыкает она. – Вы всерьез надеялись, что я ничего не замечу?

– Мы не... не... Почему ты не сказала? – В голове роятся сотни вопросов, но даже один мне удастся сформулировать с трудом.

– Почему я должна мешать детям учиться защищать себя? – Она упирает руки в бока. – Во имя старых богов... уж если на тебя нападет вамп, лучше, чтобы ты умела с ним справиться. Спору нет, в деревне нужен кузнец. Однако глупо, что, создавая оружие, мы в случае необходимости даже не умеем им пользоваться.

– Но это не входит в обязанности кузнеца.

– Порой роли должны меняться. – Эти слова полностью противоречат всему нашему жизненному укладу.

– Даже если... – Нет, нельзя с ней соглашаться, как бы мне ни хотелось. Ведь старейшины, Давос и даже сама мама часто твердят, что каждый должен знать уготованное ему место. И я проглатываю ненадлежащие слова, вместо этого неуверенно рассматривая доспехи. Сомневаюсь, что они мне подойдут, и не только из-за женских форм. Просто я не создана для подобной жизни. – Но Дрю сражается намного лучше меня.

– Само собой. Ты ведь целыми днями работала в кузнице. А он тебе в подметки не годится в кузнечном деле, – хмыкает

она. – Но если бы тебе пришлось вместо него отправиться в крепость, ты, без сомнений, стала бы отличным охотником, как и твой брат. – Вот это вряд ли, ведь у меня другая судьба. Однако я не решаюсь спорить. – А теперь давай помогу.

– А как же ты? – уточняю я, когда мама протягивает доспехи.

Пусть носить их мне еще не приходилось, я прекрасно знаю, как с ними управляться, ведь выковала тысячи таких застежек и проверяла каждую по нескольку раз.

– Мне удалось договориться с кожевником только об одном комплекте доспехов. После того как Дрю рассказал о неминуемой кровавой луне, мы начали собирать детали. Потихоньку, год за годом, чтобы в гильдии охотников никто ничего не заподозрил.

За кражу у гильдии положено такое же наказание, как и за эликсир, который тайком принес мне Дрю. Похоже, наша семья неуклонно приближается к виселице.

– А что кожевник получил взамен?

– Три маленьких серебряных кинжала.

– Где ты взяла серебро?

Впрочем, я уже знаю ответ. Он объясняет давнюю загадку, над которой мы с братом долгие годы ломали головы.

– Переплавил серп твоего отца.

Редкий подарок, преподнесенный крепостью в отступление от правил скорбящей вдове-кузнецу, исключительно для того, чтобы почтить память погибшего супруга.

– Мама...

– И ни капли не раскаиваюсь. – В подкрепление своих слов она резким движением затягивает на мне ремни доспехов. Я вдыхаю, когда нагрудник плотно прилегает к груди. – Это мой выбор, Флориана. – Мама использует полное имя. Значит, говорит в высшей степени серьезно. – Полагаю, тот, что выковала ты, еще у тебя?

– Да.

– А подаренный братом?

– Тоже. – Она и в самом деле все знает.

– Хорошо. – Мама затягивает ремень на моей талии. – Тогда ступай и принеси их.

Я оцепенело спускаюсь вниз. Мы с Дрю всегда вели себя благоразумно и осторожно, чтобы оградить маму от лишних тревог. Однако она все узнала и так же, как и мы, невзирая на установленные для нашей семьи правила, готовилась к этому дню.

«Ради меня».

Не обращая внимания на ноющую боль в груди, я достаю два серпа и прикрепляю их к крючкам на поясе. Мама с братом сильно рисковали ради меня, и невидимая тяжесть вдруг почти осязаемо давит на плечи.

Скрестив руки на груди, мама прислоняется к колонне в главной зале. За ее спиной полыхает закатное небо, оставляя золотистые отблески на черных волосах.

– Ты совсем как настоящий охотник.

– У меня нет ни маски, ни воротника. – Я потираю горло. Может, внешне я и похожа на охотника, но не вхожу в их число и никогда не буду. Сомневаюсь, что даже ради блага Охотничьей деревни, столкнувшись с вампом, я смогла бы покончить с собой. Именно поэтому в гильдию отправили Дрю. Мое же место в кузнице.

– Будем надеяться, они тебе не понадобятся.

Сев за стол, мама закрывает глаза и складывает руки перед собой. Ее губы начинают шевелиться в беззвучной молитве. Надеюсь, старые боги ее услышат.

Не в силах молиться тем, кто явно позабыл о нас, я подхожу к окну. Небо постепенно темнеет, становясь фиолетовым. Солнце сползает к горизонту и вскоре полностью исчезает. Мир вокруг погружается в темноту, но ненадолго. Возрождаясь из пепла дневного собрата, на небо восходит невероятно большая зловещая красная луна и повисает над землей, окрашивая все в багровый цвет. Похожая на воспаленный гнойник, она нависает над крышами. В воздухе почти ощутимо разливается тревога.

Я кладу руки на серпы, примериваясь, как удобнее их держать.

– Лучше отойди от окна, – мягко советует мама.

– Тогда я точно сойду с ума. – Сама не знаю, что хочу увидеть за окном, однако неведение намного хуже.

– Надеюсь, ничего не случится.

– Я тоже.

Сердце бешено колотится в груди. Я не в силах оторвать глаз от пустынных улиц. Тени кажутся зловещими, и мое воображение рисует вампов, которые скрываются за каждым углом.

Постепенно мысли уползают от реальности, возвращаясь к давней ночи, когда погиб отец.

Перед уходом он как всегда крепко обнял нас и поцеловал на прощание. И в отличие от вчерашних объятий Дрю в его не ощущалось никакой окончательности. Интересно, стало бы нам легче, если бы мы знали, что в тот раз прощались с ним навсегда? Может, тогда боль от его утраты не была бы настолько мучительной? И эта зияющая пустота внутри возникла бы постепенно? И падение в нее не получилось бы настолько резким?

Однако отец просто ушел, как и всегда. И вернулся домой без серпа. Монстр украл его лицо.

Внезапно тишину нарушает крик.

И звучит он отнюдь не из глубин памяти. Забыв о собственных предупреждениях, мама вскакивает с места и подбегает к окну.

– Ты что-нибудь видишь? – шепчет она.

– Нет, – отвечаю я, отгоняя от себя призраков прошлого.

– Вроде бы кричали неподалеку...

– Точно. – Я крепче сжимаю серпы. Если вампы пришли в деревню, значит, авангард пал, и Дрю... Нет, нельзя так думать. Что-то подсказывает мне, что брат жив. Возможно, это

всего лишь глупый оптимизм. И все же отчего-то кажется, что я ощутила бы его смерть. – Иди наверх.

– Флор...

– Мама, пожалуйста, не спорь, – твердо произношу я, глядя ей прямо в глаза. Прежде я никогда не приказывала маме. Но Дрю попросил ее защитить, и, возможно, именно доверие брата придает мне сил и решимости. – Иди наверх и спрячься.

– Если вампы проникли в деревню, прятаться нет смысла.

– Но у нас есть соль. И я даже близко не подпущу этих чудовищ. Ты сама достала доспехи и позволила Дрю меня тренировать. Для того чтобы я смогла тебя защитить.

Мама кладет руки на мои плечи и легонько меня встряхивает.

– Ты должна защищать себя.

– Одно другому не мешает. – Сердце отчего-то настойчиво твердит, что я сумею защитить еще и брата. Глупо, конечно, ведь сейчас я не в силах ничем ему помочь. И все же по мере того, как крики приближаются, я все яснее ощущаю, что нужна ему. События развиваются не по плану. И голодная кровавая луна требует жертв. – Иди наверх и спрячься. Посыпь порог своей комнаты солью. Не издавай ни звука и не спускайся до утра, что бы ни случилось.

Мама поджимает губы, явно желая со мной поспорить. Однако подчиняется.

Иначе нельзя. Такая уж у нас жизнь.

В Охотничьей деревне все стоят одной ногой в могиле, а в руках сжимают серебряное оружие. Мы не сдаемся без боя. Ведь мы – единственный заслон, не позволяющий вампам проникнуть в наш мир и подчинить его своей власти.

– Будь осторожна. И никакого безрассудства, – шепчет она, сжимая меня в крепких объятиях. – Увидимся утром.

– Я просто посторожу дверь. – Отчего-то слова звучат как ложь. Но что еще я могу? Ни на что другое не хватит сил. И все же сердце бешено несется вскачь, вызывая дрожь возбуждения во всем теле. – Увидимся утром. – Я похлопываю маму по спине.

Она берет ведро с солью и уходит наверх, оставляя меня наедине со своими тревогами. Крики все так же звучат в отдалении. Ухватившись за рукояти серпов, я пытаюсь снять их с пояса, но, заметив движение в темноте, едва не роняю оружие. И все же успеваю подхватить прежде, чем оно со звоном падает на пол.

Во мраке ночи возникает одинокая тень, которая движется слишком быстро и плавно, но в то же время прерывисто и суматошно. Явно не человек. Остановившись, монстр переводит ищущий взгляд слева направо. Его глаза кажутся совершенно черными, лишь в самом центре мерцают крошечные золотые искры. Разинутая пасть полна острых смертоносных зубов. Он способен одним укусом перегрызть жертве горло, лишь бы насытиться ее кровью.

Впрочем, судя по багровому пятну на груди, он уже ко-

го-то загрыз и даже не потрудился украсть лицо своей добычи. Сегодня ночью в этом нет необходимости.

Сунув руку в карман, я достаю оттуда обсидиановый флакон. Эликсир охотника. Мощное древнее зелье, позволяющее выпившему двигаться столь же быстро, как и вампы, и сражаться с ними на равных. Но это опасное средство, вызывающее исступление, особенно при частом употреблении, поэтому его разрешено пить только охотникам.

«Дрю сказал, все будет хорошо».

Я вновь смотрю на вампа. Нюхая воздух, он крадется по улице и задевает лбом низко висящие колокольчики. Однако тихий звон его ничуть не пугает. И меня охватывает паника вперемешку с сомнениями. Неужели охотники ошиблись? Помогут ли нам колокольчики? Или соль?

Я открываю флакон. Капли жидкости внутри даже в свете кровавой луны выглядят черными как смоль. Вдохнув неповторимый аромат, я подношу флакон к дрожащим губам. От одного лишь запаха из самых глубин существа поднимается некий сильный порыв, заставляющий мышцы мучительно ныть от нетерпения. Словно бы я всю жизнь только и ждала этой силы и свободы, чтобы самой вершить собственную судьбу.

Я опрокидываю флакон себе в рот. Густая жидкость стекает на язык, обволакивает горло, а после падает в желудок и разлетается там, словно разбитая о землю бутылка с выпивкой. В животе вспыхивает огонь.

Я падаю на колени. Перед внутренним взором мелькают какие-то образы. Крепость. Глаза, яркие, словно солнечный свет. Усыпанный звездами небосклон и города в горах, которые можно увидеть только в детских книжках. Потом все в мгновение ока исчезает.

Тяготы и боль уходят в небытие. А мышцы просто жаждут движения.

«Ну, давай, – мысленно молю я. – Беги по моим венам и преврати меня в охотника. Позволь защитить всех, кого люблю, и знакомый мне мир. Придай мне сил, чтобы хоть на одну ночь бросить вызов устоявшимся порядкам».

Я осторожно поднимаюсь на ноги, стараясь побороть подступающую тошноту. Нельзя, чтобы меня вырвало. Дрю не для того подарил мне силу. Мир расплывается вокруг и как будто дрожит, все ускоряя темп, а потом сливается в одно сплошное неразборчивое пятно.

Затем в мгновение ока все меняется. В воздухе разливается сладость, которой я никогда не ощущала прежде. В нос ударяют непривычно острые запахи ночной росы, древесного угля, остатков вчерашнего ужина в котле возле очага. Мир становится непривычно огромным, но я готова его принять.

Дверь резко распахивается. Такое впечатление, будто содрогается земля.

В лунном свете плечи вампа окутаны кровавым ореолом. С его губ срывается тихое шипение.

– Умри! – рычу я.

Голос ни капли не похож на мой собственный. Более глубокий, подстегиваемый жаждой, которая пожирает меня изнутри.

«Вперед! – толкает меня эликсир. – Используй силу, чтобы пролить кровь. И положи конец этой долгой ночи».

Я прыгаю, отчетливо слыша в шорохе ветра шепот чужой смерти.

Четыре

С первобытным визгом вамп выпускает когти. Я увора-чиваюсь. Сейчас его движения воспринимаются более медленными и предсказуемыми, чем прежде. Однако такое чувство, будто он действует скорее инстинктивно – ничуть не похоже на отточенные шаги моего брата, прошедшего боевую подготовку. И я предугадываю каждый удар еще до того, как монстр его наносит.

Вамп бросается вперед, но я поспешно отступаю в сторону, и он теряет равновесие. Крепко держа рукоять, я одним движением просовываю серп между его ребер и тяну, вспарывая грудную клетку, откуда с тошнотворными звуками выпадают черные и сероватые внутренности. Серебро очищает его пятнистую кровь. Вамп кричит и корчится от боли, а потом обмякает на моем клинке. И я отчетливо ощущаю, как жизнь покидает его тело. На месте того, что лишь миг назад существовало, воцаряется пустота.

Не в силах держать его вес, я с тихим вздохом рывком высвобождаю серп. Руки ощутимо дрожат. Ну вот и все, я это сделала. У меня получилось. Всего несколько шагов, и я, действуя, как учил Дрю, расправилась с монстром. Брат будет мной гордиться. Если поверит. Нужно рассказать ему сразу же, как...

Откуда-то издалека, вспарывая воздух, доносится визг.

Никогда прежде я еще не слышала ничего подобного. Я вдруг понимаю, что в ушах эхом отдаются звуки битвы, отдаленные крики и вопли, приказы, передаваемые одним испуганным охотником другому. Как будто с помощью попавшего в кровь эликсира все чувства обостряются до невероятной степени, открывая для меня практически весь мир. Охотничья деревня полнится неутихающим шумом, учащенными сердцебиениями и яростными командами. С далекого поля битвы долетает запах пролитой крови. Я ощущаю все – как будто в эту проклятую ночь, озаренную зловещим светом красной луны, меня переполняют страх и паника всего человечества.

Я пытаюсь отгородиться от незнакомых чувств, но все их вновь перекрывает тот же визг. Чуждый, незнакомый. Как бы мне хотелось больше никогда его не слышать!

«Дрю».

В глубине души я внезапно понимаю, что брат в опасности.

– Прости, – шепчу, бросая взгляд на лестницу, хотя мама, конечно, не слышит.

Трудно сказать, отпустила бы она меня или велела остаться. Но на Приграничных болотах гибнет мой брат, и сейчас, когда меня переполняет безудержная сила, я не позволю ему умереть в одиночестве.

И поэтому устремляюсь в ночь.

Невидимая нить дергает меня за пупок – как будто тянет

к чему-то далекому. Или к кому-то. Подчиняясь ее воле, я мчусь по главной дороге и выбегаю из деревни. На полях охотники сражаются с жестокими вампами. Земля под их ногами от пролитой крови и лунного света кажется багровой.

Я не останавливаюсь. Несусь вперед со всех ног, быстрее любого человека или монстра. На меня никто не обращает внимания. Да и в любом случае все силуэты мелькают мимо меня размытыми пятнами.

Как ни странно, ощущение влажной земли под ногами и наполняющий легкие прохладный ночной воздух воспринимаются знакомыми, как будто я уже бегала здесь прежде. Глупо, конечно, ведь кузнецу закрыт путь даже на окраину деревни, не говоря уж о Приграничных болотах.

Фермерские поля ограждает еще одна стена. Именно здесь по-настоящему заканчивается Охотничья деревня и начинается враждебная территория. Дорога тянется дальше, прорезая бесплодную землю, которую много лет назад, чтобы защититься от вампов, выжгли и посыпали солью.

Впрочем, толку от этого немного.

Теперь земля по бокам дороги сочится влагой. Значит, болота совсем рядом. Вокруг в тусклом лунном свете мелькают хилые, похожие на скелеты деревья. Над лужами стоячей воды клубится туман, щупальца которого выползают из-за древней каменной арки и тянутся во всех направлениях почти до самой защитной стены.

В верхней части арки изображен ромб, под которым нахо-

дится V-образный символ с двумя полумесяцами по бокам. Дрю как-то рисовал их мне. Говорят, это знак вампов – предупреждение, которое наши предки оставляли на границах своих земель.

Я прохожу под аркой и попадаю в туманные объятия Приграничных болот.

Сейчас я на чужой земле, и лишь текущий по венам эликсир дарит мне относительное спокойствие.

Среди темной воды и гниющих деревьев змеится длинная, извилистая, мощенная камнем дорога. Я несусь по ней с невероятной скоростью, а порывы ветра лишь сильнее меня подгоняют.

Но вскоре становится ясно, что туман играет со мной злые шутки. Не раз в белесой пелене мне видится какое-то движение, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что там пусто. Я моргаю несколько раз, чтобы зрение стало острее. Не хватало еще отвлекаться на игру света.

До меня доносится какое-то ворчание. Хрип. Я ловлю напряженные звуки, которые издает брат, и с каждым тяжелым вздохом мысленно умоляю его держаться. Вокруг меня – и него – полно вампов, нарушающих равновесие нашего мира.

Внезапно туман рассеивается, и я понимаю, что нахожусь на большой круглой площадке, похожей на останки какой-то древней башни. Благодаря осыпающимся стенам болотные воды не могут проникнуть сюда и до конца погрести под собой истертые камни. Взгляд падает на кровавую бойню, и что

бы ни толкало меня сквозь ночь, в тот же момент исчезает.

Главный охотник Давос... мертв.

На обезображенном теле ярко выделяется глубокий порез, проходящий почти через всю шею, широко раскрытые пустые глаза смотрят в небо. Он лежит в луже собственной крови. Значит, вампы его не выпили, а убили просто ради забавы.

Ноздри наполняет густой, почти невыносимый запах крови, и перед мысленным взором проносятся новые образы: золотистые глаза, пятнистая кожа. Тряхнув головой, я прогоняю видения, стремясь сосредоточиться на настоящем. Не хватало мне только охотничьего безумия.

По следу из красных брызг я нахожу еще двоих.

Дрю явно сильно досталось. Стальные когти, вонзившись в плечо, пригвозждают его к разрушенной стене, и он висит безвольной куклой, уронив голову на грудь. Черные волосы, такие же, как у нас с мамой, мокрыми прядями падают на лицо.

Вамп, с которым он сражался, не похож на всех прочих. Таких я никогда не видела даже в самых страшных кошмарах.

В отличие от прочих монстров, которые бродят в изодранной одежде, этот носит пластинчатые доспехи из полированного железа. Кто бы ни ковал их, он явно тщательно поработал над каждой замысловатой складкой – усерднее, чем искусная швея, готовящая изысканный наряд для святочного

бала.

Весь доспех отделан золотом и украшен переплетенными нитями. Узоры мне не знакомы, однако, несмотря ни на что, я не могу не восхищаться безмерным мастерством их создателя. У меня самой никогда не имелось ни ресурсов, ни возможности выковать что-то хоть вполовину столь же прекрасное. По бокам шлема, словно рога, приделаны пучки вороньих перьев, поблескивающих в красном свете луны. Может, это трофеи охотников, которых убили для него разведчики? Ведь всем известно, что охотники на удачу носят перья живущего в крепости ворона. При мысли об этом внутри все сжимается. Алый плащ, тоже с золотой отделкой, колыхается в воздухе за его спиной – как будто бы тянущиеся из тумана невидимые руки дергают за подол, стремясь вернуть вампа в тот мир, из которого он пришел.

Я крепче стискиваю серп. Наверное, только эликсир не даст мне броситься сейчас наутек.

– Если источник не он, тогда кто? Ты? Скажи, где его найти и как разрушить. – Шипение монстра напоминает звук, как будто в воду опускают раскаленный металл.

Хотя этот голос не может исходить от стоящего передо мной существа. Первобытный звук словно бы доносится сразу со всех сторон. И не слетает с губ, а рождается на свет одной лишь волей говорившего. Его слова вползают мне в уши и свиваются в сознании, будто устраивающая новое логово змея. Я почти ощущаю его грубую силу, проникающую в са-

мые потаенные уголки разума.

Вамп склоняется ближе к Дрю, на шее которого уже нет воротника. Монстр собирается его убить! Неужели он выпьет кровь моего брата и заберет его лицо? Если это существо примет облик Дрю, я не смогу его убить.

– Отпусти его! – кричу я прежде, чем вамп успевает хоть что-то сделать.

При звуке моего голоса Дрю дергается, но даже не поднимает головы. Он явно потерял слишком много крови. Лишь из-за нашей особой связи, которая бывает только у близнецов, вкупе с эликсиром, я улавливаю, что в нем еще теплится жизнь.

Вамп вдруг издает низкий смешок, больше похожий на отдаленный рык какого-то давно затерявшегося в болотах зверя.

– Еще одна охотница решила отомстить за павших друзей?

Значит, этот голос и в самом деле принадлежал вампу? Они умеют говорить? Никогда о таком не слышала. Только вот если монстры способны разговаривать, то, наверное, обладают и разумом. И тогда, получается...

«Все это намеренно».

Они охотятся на нас, не просто подчиняясь звериным инстинктам, а потому, что сами так решили. Ради развлечения.

Я крепче стискиваю серп. Нет смысла снова просить его отстать от брата. Такие существа, как он, понимают лишь

кровопролитие и смерть. Что ж, он их получит.

– Теперь я твоя добыча!

Я бросаюсь вперед, сокращая расстояние между нами. Вамп пытается повернуться, но стальные перчатки, которые покрывают его когтистые руки, глубоко застряли в камне, и он движется слишком медленно. Одним из серпов я подцепляю забрало на его шлеме и дергаю.

Сталь лязгает о железо. Шлем слетает с его головы, а я лишаюсь одного серпа. Вамп пошатывается. Я тоже теряю равновесие, но, вонзив кончик другого серпа в камень, опираюсь на него и поднимаюсь на ноги, а потом одним движением высвобождаю оружие. Может, я и не упражнялась с охотниками, однако Дрю передал мне все полученные от Давоса навыки. А в течение дня, таская уголь и обрабатывая молотом железо и серебро, я тренировала мышцы.

Вамп все же разворачивается. И лишь глядя в пустые глаза монстра, я вспоминаю слова Дрю: *«Завтра легионы возглавит сам повелитель вампов. И я буду его ждать, чтобы убить»*.

Значит, вот он, источник всей нашей боли. Кошмарное создание, зло во плоти. Он умеет разговаривать, потому что владеет разумами всех вампов. Именно из-за него жители Охотничьей деревни сражаются и проливают кровь, живут в окружении стен и борются ради блага мира, лежащего за ее пределами.

По его вине я лишилась отца, а мой брат сейчас умирает.

Выглядит он жутковато. Впалые щеки, обвисшая складками посеревшая кожа, как у древнего старца, на лбу морщины. Нахмуренные брови, глубоко запавшие, лишенные белков черные глаза, которые словно смотрят на меня из провалов черепа, но с желтой радужкой – прямо как у волка, застигнутого ночью светом фонаря. Крючковатый острый нос словно бы сделан из воска. Наверное, пришлось его прижимать, чтобы надеть шлем. Из приоткрытых губ торчат два пожелтевших клыка.

Повелитель вампов похож на ходячий труп. Ему посвящены все страшные истории, которые рассказывают жители в Охотничьей деревне.

Да, слово «монстр» ему определено подходит. Он воплощает в себе мои кошмары. В детстве именно это чудовище ветром билось в окно и пряталось в длинных тенях в углу комнаты, а порой скрывалось под кроватью и даже во взрослом возрасте продолжало преследовать меня в ночных кошмарах.

Повелитель вампов замирает, глядя на меня, и чуть шире раскрывает жуткие глаза, недобро блестящие в кровавом лунном свете. Он так пристально изучает меня, словно бы уже поглощает мою душу.

– Кто ты? – хрипло спрашивает он.

Кто я? Станный вопрос от подобного чудовища.

– Твоя смерть, – с безумной улыбкой сообщаю я.

Пять

Взмахнув серпом, я целюсь прямо в его жуткие глаза. Вот бы хватило одного удара, чтобы с ним покончить. Но когда лезвие почти касается обвисшей плоти, вамп превращается в туман, и моя рука спокойно проходит сквозь рассеивающиеся тени. Собрав волю в кулак, я готовлюсь к новому удару.

С тихим шорохом он проявляется вновь – темная сущность, наполненная мраком и магией крови. Туман сгущается, и повелитель вампов опять предстает передо мной во плоти.

– Мерзкая девчонка! – рычит он.

Не потрудившись ответить, я бросаюсь к нему. И вамп точно так же растворяется в воздухе. Кожу начинает покалывать, а волосы на правой руке встают дыбом. Воздух сгущается, как перед ударом молнии, и повелитель темной дымкой возникает снова. За его спиной развеивается алый плащ.

Вамп тянется ко мне. Я резко опускаюсь на корточки и крепче сжимаю серп, готовясь нанести резкий удар.

Кольчуга прикрывает его бедра. Поножи доходят практически до колен. Я неплохо разбираюсь в изготовлении доспехов и понимаю, что между ними должно быть уязвимое место. Наношу удар, стараясь зацепить заднюю часть колена. Лезвие вонзается в металл и выходит впереди, но не касается плоти.

Выпустив серп, застрявший в доспехах вампа, я резко поднимаюсь и цепляюсь за его плечо, стараясь использовать неустойчивое положение повелителя в свою пользу. Мы летим на каменные плиты. С помощью ногтей я отрываю камень и замахваюсь, чтобы ударить вампа по виску. Он отшатывается.

Я пытаюсь ухватить свое оружие, но слишком поздно. Вамп наступает на серп, а потом затянутой в доспех ногой отшвыривает его прямо в болотную жижу. Я тянусь за другим серпом, однако повелитель вампов, раскрыв ладони, явно намеревается схватить меня за шею. Извернувшись, я отступаю и вновь ловлю его взгляд. Дыхание перехватывает.

– Из тебя сотворили монстра. – В его словах отчетливо слышны неодобрение и ненависть. Что ж, это взаимно.

– Только для того, чтобы покончить с другим монстром!

Я вскакиваю на ноги, но повелитель оказывается быстрее. Вокруг него сгущается злой черный туман, и когда вамп останавливается передо мной, дымка облепляет мое лицо невидимыми ладонями. Прижав меня к одной из рушащихся стен, повелитель вцепляется мне в горло. Я хватаю его за руку, сжимаю большой палец и быстрым движением отдергиваю от себя ладонь. Обычно за этим следует удар коленом в живот, но с учетом его брони мне это не поможет. Мы вновь сцепляемся и, теряя равновесие, катимся по земле. Я замахваюсь, но снова безуспешно.

Мы сражаемся на равных, нанося удар за ударом, но нам

удается лишь вскользь зацепить друг друга. Вамп в очередной раз уклоняется, и я с хрустом врезаюсь костяшками пальцев в твердый булыжник. Перекатившись, он обеими руками прижимает меня к земле.

Нависнув надо мной, этот скрюченный живой труп, обрамленный светом ярко-красной луны, прожигает меня горящим взглядом неестественных черных глаз с ярко-желтыми радужками.

– А ты упорная бестия, – рычит он, обнажая острые, как бритва, клыки. Вообще-то, как ни странно, большинство зубов у него человеческие. Только клыки удлиненные.

Я лихорадочно прикидываю, как вырваться из его хватки. У меня не так уж много времени. Совсем скоро он сожмет меня в объятиях и выпьет кровь до последней капли, а потом использует мое лицо, чтобы проникнуть в Охотничью деревню.

Я мысленно прошу прощения у мамы. У меня ведь даже нет воротника, чтобы ему помешать.

– Но Кэллос, черт возьми, был прав. Ты сможешь послужить нам, – вдруг заявляет он.

И прежде, чем я успеваю осмыслить его слова, нас окутывает туман.

Я делаю вдох и тут же начинаю кашлять и задыхаться. Эта дымка терзает легкие и проникает в вены, угрожая разорвать мою плоть. Однако в мгновение ока все вокруг меняется.

Мы уже не в развалинах, а на главной дороге, вьющейся

среди болот. Только непонятно, ближе или дальше от деревни. Едва этот вопрос мелькает в голове, меня вновь пронзает боль. В ушах звенит, и ночь, сгущаясь, словно по волшебству, обрушивается на нас, окружая непроглядным мраком. И я кажусь самой себе не более чем мыслью в пустоте.

И вновь все вокруг заливают красный свет. Мы стоим в предгорье, на гребне холма. Укрывающий болота туман постепенно рассеивается и клубится вокруг нас, напоминая морские волны. Похоже, мы забрались на самую высокую точку Приграничных болот. Где-то вдали виднеется одинокое пятнышко света. Охотничья деревня, которая отсюда выглядит совсем крошечной. Там осталась вся моя прежняя жизнь, знакомые люди, уютный дом. Однако монстр, который тянет меня за собой, сметает прочь еще живущие во мне крупинки надежды и робкие мечты.

Как только я немного прихожу в себя, мы опять начинаем двигаться. Я стискиваю зубы, чтобы не закричать. Каждое новое перемещение в пространстве приносит больше боли, чем предыдущее. И мне нужно все больше времени, чтобы восстановить дыхание. Вокруг явно живет магия, ночь превращается в бесконечный туннель. Мы проходим мимо слабо светящихся каменных плит, похожих на надгробия. А после снова накатывает боль.

Я зажмуриваюсь. Воздух вдруг меняется, я делаю резкий вдох, и мы оказываемся у подножия незнакомой горы.

А где вообще находятся горы? Никто из охотников нико-

гда даже не упоминал о горах. Я оборачиваюсь и натываюсь взглядом на неровный берег, за которым расстилается бушующее море. Виднеются острова, между ними торчат острые скалы, о которые разбиваются волны с белыми шапками пены. Соленые брызги мешаются с висящими у горизонта низкими облаками, не позволяющими видеть, что находится дальше.

Подумать только, я на берегу моря. Моя детская мечта сбылась... благодаря чудовищу.

Над водой, опираясь на острова, тянется одинокий полуразрушенный мост, соединяющий пелену волшебного тумана с тяжелой опускной решеткой, которая закрывает вход в лежащий перед нами туннель.

Поговаривали, что стены, ограждающие Охотничью деревню и призванные удерживать вампов на их землях, тянутся до самого моря, о котором я грезила с детства. Однако теперь ставшая явью мечта превратилась в кошмар. Я оглядываюсь на гору, очерченную алым светом низко висящей луны.

– Уже недалеко, – почти успокаивающе бормочет вамп, и такой тон ничуть не вяжется с тем чудовищем, с которым я сражалась.

«Недалеко от чего?»

Пошатнувшись, я восстанавливаю равновесие. Неважно, где мы. Мне нужно...

Нас снова окутывает тьма, и повелитель вампов с помо-

щью магии тянет меня за собой сквозь время и пространство, похищая из привычного мира. Нет никаких сомнений, что мы все глубже проникаем в земли вампов.

Мир вокруг вновь обретает очертания. Мы стоим на горном уступе, почти по колено утопая в снегу, и ледяной ветер пронизывает меня насквозь. Снег? Летом? Миг спустя мы уже двигаемся дальше. Судя по ощущениям, каждый следующий шаг вампа длиннее предыдущего, а темнота кругом кажется более постоянной. Мышцы буквально вопят от боли, которой мне еще не приходилось испытывать прежде.

Неужели он решил затащить меня на край света, а потом столкнуть с него в пропасть? Нет, нужно бежать. Поэтому, вернувшись к реальности в следующий раз, я вырываюсь из хватки. Удивленно что-то проворчав, повелитель вампов поворачивается ко мне лицом. Мы все еще в горах, на этот раз выше. Ноги тут же немеют и начинают скользить по скрытому под толстым слоем снега льду.

Вамп тянется ко мне, но я уклоняюсь. По венам до сих пор струится эликсир, вероятнее всего притупляя невыносимую боль и позволяя мне оставаться начеку. Повелитель поджимает губы, со злостью наблюдая, как я тянусь к сосульке, свисающей с ближайшего выступа, и отламываю ее. Вокруг и так стоит жестокий холод, но теперь я мерзну еще сильнее.

– Думаешь, что сможешь убить меня этим? – Вамп выгибает бледную бровь.

Однако я не намерена отступить. Я давно осталась без ору-

зия, а он вытащил меня на арену, которую выбрал сам. Что мне еще остается? Я не намерена сдаваться без боя.

– Ты не справились со мной даже с помощью своих драгоценных серебряных серпов. И чем тебе поможет эта ледышка?

Я молча угрожающим жестом поднимаю сосульку.

– Признаю, что кровь дарует тебе силу. И ты настойчива, но явно не слишком сообразительна, – усмехается он.

Ну и ладно, пусть думает, что хочет, лишь бы подошел еще на несколько шагов. Я чуть выше поднимаю сосульку.

– Ну, допустим, ты меня убьешь. А что дальше? Куда ты пойдешь? Без моей помощи тебе отсюда не выбраться. Я же дам тебе уникальную возможность... Хватит угроз!

Вамп подается вперед, чтобы вырвать сосульку у меня из рук. Я резко притягиваю ее к себе. Благодаря эликсиру у меня хватает сил потащить за собой и его. Быстро обхватив закованные в броню плечи вампа, я напрягаю мышцы и поднимаю его, как тяжелый мешок с углем. Мы опрокидываемся назад, и я изо всех сил отталкиваюсь обеими ногами.

А потом рычу прямо ему в ухо:

– Я вовсе не пыталась сбежать.

Вокруг нас завывает ветер, почти заглушая слова. Теперь пути назад уже нет. Если я не поддаюсь безумию, вызванному эликсиром, то погибну от рук повелителя вампов. И даже сумею я каким-то образом его убить, до меня доберутся его легионы. Мы слишком далеко зашли, и для меня остался

ТОЛЬКО ОДИН ВЫХОД.

– Если мне суждено умереть, я захвачу тебя с собой!

Мы вдруг куда-то падаем. Я цепляюсь за него, прижимая к себе как можно крепче. Над головой кружится луна. В ушах свистит воздух.

И вскоре плоть и сталь встречаются с твердым камнем.

Шесть

Когда я ударяюсь о твердую землю, из легких выбивается весь воздух. Перед глазами вспыхивают звезды, а череп пронзает резкая боль, вызывая сильную тошноту. Повелитель вампов приземляется сверху, давя на меня всем весом. Звон его доспехов эхом отдается в ушах, и это уже перебор. Все мои чувства протестуют.

К счастью, мы с Дрю с юных лет постоянно боролись друг с другом. Даже до того, как он стал охотником. И я, повинаясь инстинкту, сгибаю колено для опоры, выпускаю вампа и отпихиваю от себя. Однако это движение оказывается последней каплей. Бунтующий желудок извергает наружу содержимое: желчь, черную, как выпитый мной эликсир. Возможно, я только что лишилась единственного, благодаря чему еще оставалась в живых.

Все тут же начинает болеть – безумно сильно, как никогда. Мышцы дрожат от слабости, меня накрывает изнеможение.

«Я не... не смогу... этот монстр...»

Я вспоминаю о том, как он пришил Дрю к стене. И сейчас брат истекает кровью, умирает, лежа на земле в самом сердце Приграничных болот, где его никто не сможет найти. Я вовсе не целитель, но понимаю, насколько серьезна его рана. Жизнь Дрю угасала, а этот монстр не позволил мне провести с братом его последние минуты. Вспыхнувшая во

мне ярость практически заглушает боль.

– Ты... – Воздух прорезает мрачный смешок. – Безусловно, они превратили тебя в злобное чудовище. – Повелитель вампов со стоном поднимается на ноги. Звякают его доспехи.

Подталкиваемая ненавистью и страхом я, чтобы держаться с ним на равных, тоже встаю. Мир сразу начинает вращаться, но я все же понимаю, что оказалась в другом, каком-то незнакомом месте. Наверное, он переместил нас во время падения. Проклятие! Этот вамп даже в такой ситуации способен пользоваться своей магией.

Мы находимся в задней части комнаты, похожей на большой зал крепости – Дрю описывал мне его, когда вступил в ряды охотников. Каменные стены украшены потертыми гобеленами и сложенными из мечей веерами. Вдоль очага – большего размера, чем в нашей кузнице – тянутся два длинных стола. Под углом к ним, возле темного камина, стоит стол поменьше.

– Ты решила, будто сумеешь убить меня? – шипит повелитель вампов, повернувшись ко мне лицом.

Его красный плащ выглядит еще более изодранным, чем раньше, доспехи помялись. Знать бы точно, как ковалась эта броня, тогда мне удалось бы одним-двумя точными ударами заблокировать некоторые сочленения и серьезно ограничить его подвижность.

Не потрудившись ответить, я бросаюсь в сторону, к одно-

му из стеллажей, на которых разложено богато украшенное оружие. Оно явно не годится для сражений, но лучше уж тупой меч, чем вовсе никакого. Я стискиваю пальцами стальную рукоять. В тот же миг повелитель вампов заходит мне за спину, хватая за запястье и оттаскивает в сторону. А потом, держа за руку, поднимает в воздух. В плече что-то хрустит. От резкого рывка меня снова начинает тошнить.

– Сама ведь знаешь, что не сможешь убить меня этим мечом, – рычит он, приблизив ко мне свое ужасающее лицо. – Прекрати сопротивляться.

Я дергаюсь в стремлении высвободить руку, и вамп меня отпускает. С трудом подавляя тошноту, я всеми силами стараюсь держаться прямо и не упасть. Похоже, приступ рвоты все же лишил меня остатков так необходимого эликсира.

– Если бы я хотел твоей смерти, то уже убил бы тебя, – заявляет повелитель, не сводя с меня глаз.

– Будь ты умнее, не оставил бы меня в живых, – цежу я сквозь зубы.

В ответ он кривит губы, обнажая два острых клыка, которые я уже видела прежде.

– И ты не хочешь узнать, почему я сохранил тебе жизнь? Даже не любопытно?

– Чтобы служить тебе. – На вкус эти слова еще более мерзкие, чем эликсир.

– Кое-кто почел бы такое служение за честь.

– Я никогда не буду служить чудовищу.

Если вамп думает иначе, то, вероятно, не такой уж он и умный.

– Ах да, я же чудовище. А ты кто? Подопытный кролик для жителей своей деревни?

Я пропускаю его слова мимо ушей – чтобы отвлечь меня, он способен придумать любую ложь. Вместо этого снова хватаюсь за меч. И опять вамп оказывается быстрее. Зайдя за спину, он сжимает меня крепко, словно в тисках. Сил почти не остается, но я все равно брыкаюсь и царапаю его руки в попытке вырваться. Однако толку мало, поскольку на нем перчатки. К тому же мои руки притиснуты к бокам, ограничивая свободу движений.

– Может, выслушаешь...

Я наклоняюсь вперед, мысленно готовясь к предстоящей боли, потом резко подаюсь назад и затылком бью его в нос. Вамп тут же выпускает меня – уж не знаю, от боли или потрясения. Я падаю на пол и снова порываюсь схватить меч. Однако в голове звенит. Привалившись к одному из столов, я бесцеремонно опускаюсь на скамью.

«Если ты когда-нибудь столкнешься лицом к лицу с вампом, сражайся!» – мысленно слышу я голос Дрю. – *«Бейся изо всех сил, как будто от этого зависит твоя жизнь».*

– Но что, если я не смогу?

Не знаю, к кому я обращаюсь. Или просто думаю вслух? Глаза горят от непролитых слез. Все тело болит. Это ведь Дрю охотник, а не я. Так почему именно я здесь оказалась?

Не зря в Охотничьей деревне каждому отведено свое место. Сейчас, когда действие эликсира заканчивается, меня вновь начинают терзать старые сомнения.

«Если не сможешь убить его, забери кровавого монстра с собой», – учил меня Дрю. И сам следовал этому совету. Я не могу подвести брата. Ни за что.

Я заставляю себя встать и, спотыкаясь, снова направляюсь к оружию, как будто в нем мое единственное спасение.

На этот раз повелитель вампов меня не трогает. Вяло и неуклюже я добираюсь до стены и снимаю меч, но не могу удержать на весу, и он, чуть не вылетая у меня из руки, с оглушительным лязгом ударяется лезвием об пол. Мышцы отказываются работать. Я вымоталась даже больше, чем если бы несколько дней подряд, почти без отдыха, проработала в кузнице.

– Ну все, хватит, – уже мягче произносит повелитель вампов. Я разлепляю ресницы. Из его носа течет почти черная кровь, которая смешивается с моей собственной, алой. Он облизывает губы, и в его золотистых глазах, кажется, появляется немного блеска. – Ты не в том состоянии, чтобы со мной сражаться. Не стоит растрачивать на это жизнь, которую я так великодушно позволил тебе сохранить.

Зарывав, я поднимаю меч. Мышцы спины тут же молят о пощаде. Клинок дрожит в воздухе.

– Я не... умру... не забрав тебя с собой, – выдавливаю я.
– Почему ты защищаешь людей, которые творили с тобой

такие ужасы?

В ответ я крепче стискиваю меч обеими руками. Не хватало еще прислушиваться к словам чудовища, которое втянуло меня во все эти неприятности.

Со вздохом вамп отступает к висящему на стене гобелену, хватая его и срывает с подрамника. Ткань настолько обветшала, что отчасти рассыпается в пыль. Под гобеленом обнаруживается зеркало. Взглянув на отражение, я застываю, не в силах отвести взор.

Я вижу вовсе не чудовищного вампа, а обычного мужчину из плоти и крови с квадратным подбородком и округлыми щеками без всяких морщин и обвислых складок кожи. Волосы, которые в реальности спутанными сальными патлами обрамляют лицо, в зеркале свободными волнами ниспадают ему на спину. Вот бы он повернулся, чтобы получше рассмотреть черты лица...

Однако все посторонние мысли исчезают, когда я замечаю собственное отражение.

– Что за фокусы? – шепчу я.

И чудовище в зеркале тоже шевелит губами.

Нет, не может быть, что женщина с темными, налитыми кровью глазами с золотистой радужкой и фиолетовыми венами, проступающими на тонкой, как бумага, коже лица, – это я.

Ведь она... то есть я... выгляжу почти как одна из них.

– Что это? – уже громче спрашиваю я. Внутри поднима-

ется тошнота, не имеющая ничего общего с пульсирующей головной болью.

– Правда о том, кем ты становишься.

– Ты лжешь! – Я вскидываю выше меч.

– Именно поэтому я привел тебя сюда. Чтобы иметь шанс нас убить, охотники в какой-то мере становятся такими же, как мы.

– Я не такая, как вы, и никогда не буду!

Наверное, все дело в эликсире. Может, какой-нибудь побочный эффект. Хотя Дрю бы меня предупредил.

Или он не знал, чем чреват прием эликсира? Ведь охотники принимают его, лишь отправляясь на болота, чтобы охотиться, и при этом носят маски. Возможно, брат даже не предполагал, как действует напиток. Или проблема в том, что я не настоящий охотник? Мне вообще не следовало пить эликсир, и само зелье каким-то образом прознало об этом.

Между тем повелитель вампов продолжает, не обратив на мои слова никакого внимания:

– У них есть запретные знания, с помощью которых...

– Лорд Руван! – доносится до нас мужской голос.

Не осмеливаясь ни на миг отвести глаза от повелителя, я искоса смотрю в ту сторону. В арочном дверном проеме стоит еще один желтоглазый вамп, тоже отличающийся от прочих монстров, с которыми мне доводилось сталкиваться. Во-первых, как и Руван, он способен говорить. Во-вторых, на нем нет изодранной одежды, как на вампах, которые каждое

полнолуние нападают на деревню. Новоприбывший облачен в бархат того же оттенка, что и плащ повелителя; широкие манжеты рукавов отделаны кружевом, на котором отчетливо выделяются начищенные до блеска медные пуговицы. Он мог бы показаться хорошо сложенным, но из-за обвисшей кожи и запавших глаз, как и Руван, напоминает раздетый труп.

Вамп переводит взгляд с повелителя на меня и обратно.

– Куин, отведи нашу гостью в западную башню, если там еще чисто, – немного успокоившись, просит повелитель вампов. – Она устала с дороги и не в состоянии вести сейчас разумный разговор. Лучше подождать, пока она придет в себя.

– Нашу гостью? – Куин явно разделяет мои сомнения. Неужели я хоть в чем-то соглашаюсь с вампом? Вряд ли такое еще хоть раз повторится.

– Да, гостью, – тверже повторяет Руван. – И присмотри за ней. Ей нужно восстановиться. Она нам понадобится.

Понадоблюсь? Перед мысленным взором тут же возникает картина, как меня привязывают к пыточному столу, вонзают в мое тело клыки и повелитель вампов языком скользит по моей шее, ключицам, груди... Я содрогаюсь.

– Да, милорд. – Куин кланяется и поворачивается ко мне. Я слежу за его движениями краем глаза, но по-прежнему не отрываюсь от повелителя вампов. Зажатый в руках меч все так же дрожит в воздухе, угрожая упасть в любой момент. – Прошу за мной.

Однако я не двигаюсь. Руван смотрит мне прямо в глаза, и я почти слышу невысказанное приглашение: «Ну, убей меня, если сможешь. И осмелишься».

Крепче стиснув меч, я слегка меняю положение, оценивая равновесие и оставшиеся силы. Их должно хватить. Иначе нельзя.

Все эти годы я втайне училась сражаться. Дрю с мамой рисковали всем, чтобы меня защитить. А я сдуру в ночь кровавой луны отправилась на охоту, хотя мне запрещалось даже покидать деревню.

И если все же мне суждено умереть, я должна забрать повелителя вампов с собой. Да, для его убийства готовили Дрю, но брат не смог закончить дело, поэтому придется попытаться мне. Сейчас от меня зависит судьба всей Охотничьей деревни.

Ну должно же получиться! Хотя... я ведь уже пробовала. И подобралась очень близко. Но повелитель вампов до сих пор дышит.

Меня снова начинает тошнить. Из разбитых костяшек пальцев сочится кровь. Раны есть и на спине. Лишь ненависть и жажда мести до сих пор удерживают меня на ногах.

Одна жизнь.

Всего-то и нужно отнять одну жизнь.

Тот самый повелитель вампов, что стоит сейчас передо мной, виновен во всей нашей боли и страданиях. Без него вокруг Охотничьей деревни не возвели бы стены, и у жите-

лей не имелось бы обязательств. Мы жили бы полноценной семьей и вместе с Дрю давным-давно отправились бы к морю. Как может всего один мужчина воплощать в себе несчастья и надежды целого поселения? И почему его так трудно убить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.